

КИРИЛЛ БЕНЕДИКТОВ

«СОЮЗ ПРАВЫХ СИЛ» КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ПАРТИИ

Кирилл Бенедиктов

Союз Правых Сил.
Краткая история партии

«Европа»

Бенедиктов К. С.

Союз Правых Сил. Краткая история партии / К. С. Бенедиктов — «Европа»,

В разные годы «Союз Правых Сил» претендовал на статус резервной партии власти, звание конструктивной оппозиции и передового отряда либерального реванша. История СПС – это история развития правой идеологии в постельцинской России: взлеты, падения, попытки найти свое место в формирующейся властной вертикали. Книга писателя и политолога Кирилла Бенедиктова, основанная на многочисленных интервью и анализе партийных документов, является первым в России исследованием политической деятельности СПС за весь период существования этой партии.

© Бенедиктов К. С.

© Европа

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Отцы и дети дефолта	6
Момент истины: СПС на парламентских выборах 1999 года	12
Путин как секретное оружие СПС	16
Время молодых	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Кирилл Бенедиктов

Союз Правых Сил.

Краткая история партии

Пролог

Избрание президентом России Дмитрия Медведева пробудило у части российской общественности надежды на новый «либеральный реванш». Между тем последнее возвращение либералов во власть состоялось девятью годами раньше – когда на парламентских выборах 1999 года избирательный блок СПС набрал 8,5 процента голосов. Реванш этот продолжался недолго – всего четыре года. На следующих парламентских выборах ни СПС, ни «Яблоку» не удалось преодолеть пятипроцентный барьер и попасть в число парламентских партий. Но дает ли это основание думать, что феномен 1999 года был случайным?

Использование спортивной или военной терминологии в данном случае способно только сбить исследователя с толку. Слово «реванш» подразумевает победу после поражения – и в этом смысле в 1999 году либералы действительно «отыгрались» за горечь потерь года предшествующего, проведя в парламент две партии, одна из которых – СПС – на протяжении первого срока Владимира Путина воспринималась как «резервная партия власти». Однако погружение в атмосферу этого, казалось бы, не такого далекого прошлого дает неожиданный эффект – то, что воспринимается нами как «реванш», тогда выглядело лишь восстановлением нарушенного однажды (осенью 1998 года) порядка. Описываемый период был либеральной эпохой в том смысле, что и Кремль, и медиа, и множество общественных и экспертных организаций формировали *в основном* либеральный дискурс, на фоне которого правительство Евгения Примакова выглядело в высшей степени антилиберальным и антирыночным. Поэтому блестящие результаты правых на выборах 1999 года следует рассматривать как попытку либеральной среды вырастить своего рода политический инструмент для реального воздействия на власть, которая идеологически была им вполне комплиментарна.

Была ли эта попытка успешной? Если да, то почему в 2003 году либеральные партии в России вновь оказались выброшенными на периферию политической жизни? Если нет, что послужило тому причиной – учитывая тот факт, что активность либеральной среды все эти годы отнюдь не снижалась? Ответы на эти вопросы помогут понять, чего можно и чего нельзя ожидать от чаемого либералами реванша-2008.

Глава 1

Рожденные кризисом

Отцы и дети дефолта

В августе 1998 года либеральная идеология в России, казалось, потерпела сокрушительное поражение. Под обломками рухнувшей системы ГКО и валютного коридора фактически погибла монетаристская модель экономики, которую на протяжении семи лет пытались внедрять птенцы гнезда Егора Гайдара. Правительство Сергея Кириенко пало, не просуществовав и полугода. Политические элиты, управлявшие страной после 1993 года, лишились кредита доверия не только внутри России, но и за рубежом. Непрочный консенсус, объединявший финансовые и бюрократические кланы ельцинского режима, был сметен внезапно грянувшей бурей.

После того как Госдума дважды отклонила кандидатуру Виктора Черномырдина, предложенную Ельциным на пост премьер-министра, стало ясно, что возврат к прежней стабильности, основанной на сложной системе договоров между группировками и центрами влияния, уже невозможен. Ни один из ключевых игроков прошлых лет, включая самого президента, не обладал достаточными рычагами для управления ситуацией. В этих условиях либералы были вынуждены отступить на второй план и передать полномочия команде кризисных управленцев, которую возглавил государственный и «силовик» Евгений Примаков. Начался недолгий (восемь месяцев), но очень яркий период новейшей истории России, когда либералы были фактически отстранены от управления страной. Действия антикризисной команды Примакова оказались весьма эффективными: ей удалось не только удержать Россию на краю социальной катастрофы, но и стабилизировать экономическую ситуацию в стране. Стали выплачиваться пенсии и зарплаты, резко снизилась инфляция (с 38 до 3 процентов в месяц). Рост промышленного производства с октября 1998 по март 1999 года составил 24 процента. К тому же правительство Примакова позиционировало себя как правительство социального партнерства, что было позитивно воспринято широкими деловыми (финансовыми и промышленными) кругами.

Либералы восприняли эти успехи государственников болезненно: так, в публикациях ГУ-ВШЭ действия правительства Примакова характеризовались как «отход от реформ и сползание к номенклатурно-бюрократическому капитализму». Близкий соратник Анатолия Чубайса Альфред Кох без обиняков называл «примаковщину» коммунистическим реваншем.

В этих условиях были сделаны первые шаги по формированию новой либеральной коалиции, которая могла бы противостоять левым. Первая попытка создать такую коалицию (на основе партии «Демократический выбор России», «ДемРоссии», РПСД и ряда либерально ориентированных губернаторов) была предпринята в ноябре 1998 года.

Любопытно заявление, с которым выступили 14 политиков, вошедших в состав этой коалиции: «В ответ на наглое вмешательство бандитов в политическую жизнь, в ответ на попытки повернуть страну вспять к диктату и распределению, отвечая на звучащие по всей стране требования объединения демократических сил, мы, нижеподписавшиеся, начинаем работу по созданию нового общественно-политического объединения правоцентристской ориентации».

Это заявление дает определенное представление о том, как либералы воспринимали ситуацию осенью 1998-го. Она мыслилась первым этапом общенациональной катастрофы – не

столько экономической, сколько политической. Тема реставрации коммунизма вновь, после выборов 1996-го, вышла на первый план. Остро стоял вопрос о способности власти сконцентрировать ресурсы для борьбы с левой оппозицией. В условиях жестокого кризиса либерализма президент и его окружение оказались в непривычной пустоте – не только аппаратной (правительство было в основном левым), но, что немаловажно, идеологической.

Союз либеральной общественности и ряда обеспокоенных усилением государства олигархов привел к падению кабинета Примакова в мае 1999 года. На пост премьер-министра был назначен Сергей Степашин – человек, воспринимавшийся либералами как «свой», несмотря на принадлежность к силовикам.

Лето 1999 года стало летом надежд для либеральной общественности. Предполагали, что Степашин, назначение которого на пост премьера лоббировал Анатолий Чубайс, станет долгожданным преемником стареющего и находившегося не в лучшей форме Бориса Ельцина. Однако этим надеждам не суждено было сбыться. В августе 1999-го, через год после памятного дефолта, Степашин был смещен со своего поста. Неофициально считалось, что он «не выдержал экзамена», то есть не продемонстрировал должной твердости. Премьером стал глава ФСБ Владимир Путин – именно его Ельцин и объявил своим официальным «наследником».

Соперником Степашина выступал глава МПС Николай Аксененко, за которым стояли влиятельные члены ельцинской Семьи. В июле-августе 1999 года кандидатура Аксененко всерьез рассматривалась Семьей в качестве следующего президента России. Однако Чубайсу удалось убедить президента не посылать представление в Думу на Аксененко.

Часть либералов восприняла назначение Путина как катастрофу и поспешила выступить против нового премьера. Стал очевидным системный разлом между двумя лагерями либерального фронта: очень условно их можно определить как «правый лагерь» и «лагерь демократической оппозиции». Правый лагерь был гораздо лояльнее действующей власти во многом благодаря тому, что его лидеры были в той или иной степени включены в механизм реального принятия решений в стране. В первую очередь это касается Анатолия Чубайса, бывшего премьера Сергея Кириенко, а также несостоявшегося «наследника» Ельцина Бориса Немцова. В период 1999–2000 годов правый лагерь пользовался идеологической и финансовой поддержкой некоторых олигархов, в том числе Олега Дерипаски. В то же время лагерь демократической оппозиции, лидером которого был Григорий Явлинский, находился в сфере влияния финансовых структур, связанных с Владимиром Гусинским.

«Демократическая оппозиция» в лице «Яблока» сделала ставку на популярного экс-премьера Сергея Степашина, который, однако, из-за личных амбиций Явлинского занял лишь второе место в партийном списке. Целый ряд ошибок, допущенных в период предвыборной кампании, привел к тому, что «Яблоко» получило лишь 5,93 процента голосов избирателей, уступив не только фаворитам гонки КПРФ и «Единству», но и ОВР, СПС и ЛДПР. В то же время правые, сумевшие сформировать коалицию на собственной политической площадке, добились куда более впечатляющих результатов – 8,52 процента голосов избирателей, 33 мандата в Госдуме.¹ Конечно, на фоне КПРФ и «Единства» (24,3 и 23,3 процента) эти результаты не выглядят фантастическими, но в то время они воспринимались как политическая сенсация. Главным результатом выборов стал неожиданный для многих реванш правых, не только поднявшихся после сокрушительного удара в августе 1998 года, но и вернувших себе симпатии значительной части российского электората.

¹ 24 мандата по пропорциональной системе, пять депутатов-одномандатников, три независимых депутата, присоединившихся к правым, и депутат, избранный от Российской партии пенсионеров.

Тут надо отметить, что выборы 1999 года стали своеобразным «парадом сюрпризов» здесь и неожиданный для многих взлет «Единства», слепленного буквально «на коленке» за несколько месяцев до выборов, и провал «Яблока», которому прочили не менее 10 процентов, и падение ОВР, считавшегося летом 1999 года безусловным фаворитом. Впрочем, это были последние «непредсказуемые» выборы в новейшей истории России.

Парадоксальным образом значительную роль в возрождении либерализма сыграл все тот же дефолт 1998 года. Подъем промышленности весной 1999-го на фоне предшествовавшего ему ожидания катастрофы выглядел едва ли не чудом. Объективно дефолт действительно привел к ослаблению «импортной удавки», не дававшей развиваться отечественной промышленности. В этом смысле политики, ответственные за август 1998-го, имели определенное право претендовать на лавры «спасителей России». «Также очевидно каждому здравому человеку, что дефолт 1998 года стал чуть ли не главным двигателем развития нашей экономики», – заявил Анатолий Чубайс на съезде СПС спустя четыре года после дефолта. Другое дело, что осенью 1999-го уже никто не помнил о том, что год назад либералы предлагали совсем иной выход из создавшейся ситуации – применить в России аргентинский опыт, то есть использовать механизм *surgency board* для жесткого ограничения инфляции (о том, что могло бы произойти в этом случае, дают представление события, потрясшие Аргентину в декабре 2001 года).² В то же время СМИ, входившие в медиахолдинги противников Евгения Примакова (прежде всего, конечно, Бориса Березовского), старались внедрить в общественное мнение представление о том, что деятельность премьера-государственника объективно вредна для страны. Поэтому к осени 1999 года по крайней мере часть электората связывала промышленный подъем России не с антикризисными мерами кабинета Примакова, а с личностью Сергея Кириенко, при котором, собственно, дефолт и произошел. Таким образом, Кириенко приобрел статус естественного кандидата правых: некоторое время конкуренцию ему мог составить тоже достаточно популярный Сергей Степашин, однако последний предпочел сделать ставку на «демократическую оппозицию».

По мнению политолога Алексея Макаркина, «Степашин не воспринимался в обществе как либеральная фигура. Он воспринимался как человек Ельцина. На Кириенко не возлагали персональной ответственности за случившееся. Скорее, ответственность возлагали на Черномырдина, а также других администраторов, долго бывших в правительстве».

В ноябре 1998 года сторонники Кириенко создали инициативную группу новой политической организации, получившей название «Новая сила». На первом этапе «Новая сила» использовала поддержку региональных организаций Республиканской партии РФ, а также Партии российского единства и согласия, ставила своей главной целью «сохранение в России демократического режима управления и рыночной экономики». *«Речь идет об объединении... не лидеров, а людей, которые будут голосовать на выборах... тех 30–40 процентов, которые еще не трансформировали свою экономическую самостоятельность в самостоятельность политическую»*, – заявил Кириенко на пресс-конференции в декабре 1998 года.

Первоначально предполагалось, что «Новая сила» готова вести переговоры и объединяться со всеми, кто «придерживается таких же взглядов», в том числе с правоцентристской коалицией Гайдара и Чубайса, Немцовым, «Яблоком» и даже движением Юрия Лужкова. При этом сам Кириенко позиционировал свое движение как «консервативное», вкладывая в это понятие несколько иное значение, чем это обычно принято делать. «Консерватизм» «Новой

² Такого рода предложения высказывал, например, Борис Федоров.

силы» предусматривал наличие неких правил как для власти, так и для бизнеса, которые должны были выполняться всеми.

В коалицию «Правое дело» вошли партия «Демократический выбор России» Егора Гайдара, движение «Россия молодая» Бориса Немцова, «Общее дело» Ирины Хакамады, движение «Вперед, Россия!» Бориса Федорова, партия «Демократическая Россия» Юлия Рыбакова, движение «Демократическая Россия» Льва Пономарева, Крестьянская партия России Юрия Черниченко, Российская партия социальной демократии Александра Яковлева, Партия экономической свободы Константина Борового, «Свободные демократы России» Марины Салье, часть Республиканской партии Российской Федерации и другие, более мелкие организации.

С января 1999 года возникает коалиция правых, получившая официальное наименование «Правое дело». На пресс-конференции, посвященной рождению «Правого дела», Борис Немцов подчеркнул, что среди основателей коалиции *«очень много узнаваемых людей, в отличие от всех других партий – начиная от коммунистической и заканчивая „Яблоком“, где есть всего один лидер»*.

Довольно скоро Кириенко дистанцировался от лидеров правоцентристской коалиции, выступив с идеей создания более широкого некоммунистического блока с участием губернаторов (чтобы создать противовес пресловутому «красному поясу») и, в идеале, «Яблока». Хотя «Правое дело» неоднократно пыталось привлечь Кириенко в свои ряды, до лета 1999 года тот присутствовал на мероприятиях коалиции только как гость. В мае 1999 года «Новая сила» и губернаторский блок «Голос России» Константина Титова³ заявили о начале работы по созданию широкой «правоцентристской коалиции». Речь явно шла о том, кто будет играть первую скрипку в складывающемся ансамбле либералов – в том же, что такой ансамбль будет создан, по-видимому, не было никаких сомнений.

К концу июля 1999 года Кириенко и «Новой силой», рассматривавшейся как прообраз «правой партии власти», удалось занять лидирующие позиции в либеральном лагере. 23 июля 1999 года состоялась встреча Кириенко, Чубайса и Титова, на которой была достигнута договоренность о создании единого блока. Официального «дележа портфелей» не произошло, но лидерство Кириенко уже никем не оспаривалось.

29 августа 1999 года на совместном съезде был учрежден Союз Правых Сил (СПС), в который вошли большая часть партий «Правого дела», «Новая сила», часть «Голоса России». Правым удалось собрать на одной площадке немало знаковых фигур либерального лагеря. В то же время первоначальный план, предполагавший союз между двумя организациями, имевшими наиболее разветвленные региональные сети, – ДВР и НДР, реализовать не удалось. Единственной крупной фигурой, перешедшей в праволиберальную коалицию из НДР, стал губернатор Самарской области Константин Титов; губернатор Саратовской области Дмитрий Аяцков, первоначально подписавший «заявление четырнадцати», в тот же день публично опроверг свое участие в коалиции.

Переговоры, которые летом и осенью 1999 года НДР вел о вхождении в состав праволиберальной коалиции, закончились ничем. Не удалось согласовать состав «первой тройки», которую коалиция собиралась выставить на парламентских выборах в декабре: НДР поддерживал кандидатуру Сергея Степашина в качестве лидера списка и настаивал на включении в первую тройку своего представителя (Владимира Рыжкова). С точки зрения «Правого дела», списки должен был возглавить Кириенко, а Рыжкову вообще не находилось места в первой

³ Константин Титов изначально входил в НДР, но после конфликта с Виктором Черномырдиным покинул ряды «партии власти» и основал собственную организацию «Голос России».

тройке.⁴ Но гораздо важнее было то, что НДР принципиально выступал против присутствия в коалиции партии «Демвыбор России» и лично Егора Гайдара.

Достаточно скоро стало ясно, что противоречия между НДР и «Правым делом» носят непреодолимый характер. К тому же между покровителями НДР и «Правого дела» – Виктором Черномырдиным и Анатолием Чубайсом – существовали довольно напряженные отношения. В конце концов идея союза между двумя лагерями правого фланга российской политики была окончательно предана забвению; единственным результатом переговоров можно считать уход из «Правого дела» «либеральных консерваторов» Бориса Федорова из движения «Вперед, Россия!», присоединившихся к НДР. Это событие рассматривалось в то время как раскол правой коалиции. К тому же из «клуба губернаторов», каким был до осени 1999 года «Голос России», вышли почти все губернаторы и большинство карликовых партий.

Движение «Вперед, Россия!» вошло в историю главным образом следующим перлом из предвыборной программы 1995 года: «Нам говорят: Россия на краю пропасти, ничего нельзя сделать, все пропало. Мы решительно отвечаем: Если вы не можете уйдите, не мешайте. Хватит топтаться на месте. ВПЕРЕД, РОССИЯ!»

Сложившаяся к выборам 1999 года правая коалиция состояла из трех основных игроков и шестнадцати участников поменьше. К главным игрокам относились ДВР, движение «Новая сила» Сергея Кириенко, а также «Голос России» Константина Титова (формально в виде организации «Юристы за права и достойную жизнь человека» Гасана Мирзоева). Вместе они образовали избирательный блок Союз Правых Сил, учрежденный на совместной конференции в «Президент-отеле» 29 августа 1999 года.⁵ Кроме того, в избирательный блок СПС на неформальной основе вошли почти все движения, составлявшие коалицию «Правое дело»: «Общее дело» Ирины Хакамады, ПДР Юлия Рыбакова, движение ДР Льва Пономарева, КПР Юрия Черниченко, РПСД Александра Яковлева, ПЭС Константина Борового, СДР Марины Салье, организация «Российские налогоплательщики» (РН) Владимира Головлева, Либерально-консервативный союз (ЛКС) Алексея Кара-Мурзы, Социально-федералистская партия России (СФПР) Сергея Шилова – Льва Шемаева, Движение нового поколения (ДНП) Николая Брускинина, Союз «Молодые республиканцы» (МР) Валерии Гулимовой, часть РПРФ (Константин Точенов), часть Союза «Живое кольцо» (Виктор Маслюков), а также Великое Сибирское казачье войско (ВСКВ) атамана Валерия Дорохова.

На конференции был принят «Правый манифест» СПС, а также одобрен общенациональный список кандидатов в депутаты. В первую тройку списка вошли Сергей Кириенко, Борис Немцов, Ирина Хакамада, московскую региональную часть списка возглавил Егор Гайдар. Председателем политсовета блока был избран Константин Титов, руководителем избирательного штаба – Анатолий Чубайс.

Правым удалось почти невозможное: после сокрушительного удара в августе 1998-го они не только возродились как феникс из пепла, но и сумели в значительной степени преодолеть внутренние противоречия и личные амбиции своих лидеров, которые вполне могли похоронить либеральное движение в несколько последовавших за дефолтом месяцев. Кроме того, правые перебили мощную и пользовавшуюся поддержкой значительной части населения страны «левую карту». Главную роль в этом процессе, как и в консолидации правого лагеря летом – осенью 1999 года, сыграло существование в России влиятельного либерального сообщества, объединявшего политиков, экспертов, журналистов, общественных деятелей и т. д. Это сообщество фактически формировало повестку дня даже в постдефолтной России; для

⁴ Участию Рыжкова в коалиции активно сопротивлялся Гайдар, который не мог простить ему критику идеологии и практики радикального либерализма.

⁵ В число непосредственных учредителей входило также движение «Россия молодая» Бориса Немцова.

этого сообщества правительство Примакова (на тот момент самого популярного человека в стране) было несомненным идеологическим врагом, и это противостояние во многом определяло стратегию либеральных политиков, сумевших преодолеть внутренние разногласия и сплотиться перед лицом общего противника.

Момент истины: СПС на парламентских выборах 1999 года

Избирательный блок СПС был зарегистрирован ЦИК в сентябре 1999 года. С самого начала он пользовался определенным покровительством Кремля, что дало основание говорить об СПС как о «резервной партии власти». Возможно, какое-то время федеральный центр действительно рассматривал правых как свою основную идеологическую опору: в состав координационного совета блока СПС входили по крайней мере четыре человека, рассматривавшихся Кремлем как «свои» – Сергей Кириенко, Борис Немцов, Анатолий Чубайс и Егор Гайдар.⁶

Однако к этому моменту политическая ситуация в стране успела измениться. С лета 1999 года левые перестали восприниматься в качестве «основного противника» – на эту роль претендовал теперь мощный блок региональных губернаторов, предпринимателей и московской бюрократии во главе с Юрием Лужковым, политически оформившийся в движение «Отечество – Вся Россия». Против этого нового врага следовало выпускать совсем иных бойцов. Правые, которых сплотила угроза «красного реванша», были не слишком эффективны в борьбе с центристским ОВР. Тем не менее лидер правых Сергей Кириенко принял участие в кампании, направленной против ОВР, выдвинув свою кандидатуру на выборах мэра Москвы (проходили одновременно с парламентскими в декабре 1999 года).

Большинство наблюдателей рассматривали «войну» Кириенко с Лужковым как «нетривиальный рекламный ход» со стороны экс-премьера: реальных шансов одержать победу у него, конечно, не было. Согласие Сергея Кириенко принять участие в борьбе за кресло мэра Москвы спровоцировало конфликт внутри коалиции «Правое дело». По информации некоторых СМИ, дело едва не дошло до открытого столкновения экс-премьера с лидерами «Правого дела» из числа «старых либералов», которые намеревались выдвигать на московские выборы кандидатуру Егора Гайдара. Однако аргументы Кириенко оказались более весомыми, и «старые либералы» были вынуждены отступить.

Соцопросы показывали, что у Кириенко есть хорошие шансы занять кресло московского градоначальника только в том случае, если в выборах не будет участвовать сам Лужков. Однако в декабре 1999 года Сергей Кириенко в паре с Вячеславом Глазычевым занял второе место, получив 12 процентов голосов избирателей. Юрий Лужков получил 69,9 процента голосов.

В действительности выборы московского мэра были в значительной степени «обкаткой» Кириенко как политика новой формации. Кампания Кириенко, проводившаяся в условиях беспрецедентного давления со стороны московских властей, была разработана и осуществлена при деятельном участии Фонда эффективной политики Глеба Павловского. Одной из стратегических задач ФЭПа было, по выражению самого Павловского, «заставить Лужкова нервничать». Эта задача была решена блестяще: мэр действительно сорвался, сделал целый ряд непродуманных шагов, чем ослабил позиции ОВР перед декабрьскими выборами. Одновременно, разумеется, решались и чисто пиаровские задачи: так, на волне запущенных московской мэрией слухов скандального характера о Кириенко предвыборный штаб лидера правых издал книгу «(X) Секретные материалы», в которой всевозможные сплетни были изложены в хронологическом порядке, а затем аргументированно опровергнуты. Написанная живо и остроумно, эта книга, разумеется, способствовала росту популярности Кириенко.

В декабре 1999 года СПС выдвинул лозунг **«Путина в президенты, Кириенко в Государственную Думу. Молодых надо!»**. Это был прямой месседж обществу: правые – такая

⁶ Кроме них в КС входили также Ирина Хакамада, Константин Титов и Виктор Некрутенко (ответственный секретарь блока).

же партия власти, как и спешно слепленное «из того, что было» «Единство», но опирающаяся в основном на молодых и продвинутых. Поддержка Путина правыми не стала чем-то неожиданным: еще в августе 1999 года депутаты Госдумы, входившие в блок «Правое дело», почти единогласно голосовали за утверждение Владимира Путина премьер-министром.⁷

Интересно, что в рамках кампании Кириенко был, в частности, выдвинут лозунг «Правая политика левая культура». Имеющий в основном эстетическое, а не политическое значение, лозунг этот подтверждает версию о том, что Кремлем (коль скоро кампания Кириенко осуществлялась при его поддержке) левые воспринимались «меньшим злом», чем бюрократическая фронда Лужкова.

Второй месседж, посланный правыми обществу, исходил от Анатолия Чубайса, справедливо считавшегося теньвым лидером праволиберальной коалиции. В полемике с Григорием Явлинским Чубайс заявил, что *«Российская армия возрождается в Чечне»*. Сигнал этот едва не вызвал раскол в стане самих либералов. Для «старых демократов» заявление Чубайса выглядело предательством либеральных ценностей. Впоследствии это не раз ставилось в вину СПС: правые либералы, мол, поддержали «несправедливую» войну в Чечне. В действительности это была личная точка зрения Чубайса, не отражавшая платформу СПС в целом – хотя бы потому, что единой позиции в отношении чеченской войны у правых не было. По словам Бориса Надеждина, осенью 1999 года входившего в политсовет движения «Новая сила», а впоследствии вошедшего в политсовет Союза Правых Сил, *«в партии (СПС) тогда был крупный скандал, который постарались замять. Но если что-то говорит Чубайс, то это запоминается навсегда»*.

Заявление Чубайса, поддержанное Кириенко и Немцовым, было болезненно воспринято «старыми демократами», такими как Юшенков, Ковалев и другие. Последний, например, будучи членом политсовета ДВР и участником избирательного блока СПС, публично призвал избирателей голосовать за «Яблоко». После этого главный редактор журнала «Эксперт» Валерий Фадеев написал, что пока СПС не очистит свои ряды от таких «одиозных личностей», как Ковалев, шансов стать «нормальной партией» у него нет. Однако лидеры СПС решили «не трогать» известного правозащитника, чей авторитет, по их мнению, примирял часть столичной интеллигенции с необходимостью голосовать за Кириенко.

«Старые демократы» не принимали модель либерально-патриотического синтеза, которую пытались навязать коалиции Кириенко и Чубайс. Для них было важно сохранить либеральную идентичность, не связывая себя с национальным, патриотическим компонентом. В то же время они понимали, что в реалиях 1999 года такая платформа не будет пользоваться массовой поддержкой избирателей. Для «старых демократов» союз с «новыми либералами» был вынужденной мерой, «меньшим злом».

Пестрота избирательного блока СПС обусловила отсутствие сколько-нибудь цельной идеологии и как следствие – внятной предвыборной платформы. По мнению члена Общественной палаты РФ Вячеслава Глазычева, баллотировавшегося на выборах мэра Москвы в паре с Кириенко на должность вице-мэра, единой позиции у таких людей, как Немцов, Ковалев, Чубайс, Гайдар, Кириенко, просто не могло быть. *«Никогда между ними не было настоящего согласия ни по одному вопросу, – вспоминает Глазычев. – Да и партии не было как таковой... Партийные структуры не успели сложиться»*.

Глазычев считает также, что у правых в тот момент не было и разработанной экономической программы. *«Экономической программы правых не было. Был только весьма опреде-*

⁷ За исключением Сергея Ковалева.

ленный вектор – рыночный, капиталистический, в принципе с надеждой опоры на новые двигатели рыночного хозяйства. В некотором смысле это совпадало с настроениями власти».

Это верно лишь отчасти. Таинственная «толстая папка в кожаном переплете», в которой якобы находилась «программа СПС», была вручена тогдашнему премьеру РФ Путину экс-премьером Кириенко за несколько дней до выборов. Сцена торжественного вручения Путину документов СПС была включена в рекламный ролик избирательного блока.

«В 1999 году Путин поддержал „Единство“, но при этом встретился с Кириенко, получил от него толстую папку, на которой было написано „программа“. Естественно, эту папку никто не читал, в том числе и Путин, но тем не менее он поблагодарил за нее, сказал, молодцы, что думаете о стране, тем самым дав им немного своего рейтинга», – считает директор Международного института политической экспертизы Евгений Минченко, в те времена – эксперт Комитета Государственной Думы по безопасности. Однако, по информации людей, все-таки заглядывавших в папку, там находились ксерокопии разрозненных документов, имеющих отношение к экономике. Сама же экономическая программа СПС существовала в лучшем случае в виде деклараций о намерениях.

«Российская газета» уже после назначения Сергея Кириенко полпредом в Приволжском федеральном округе (что произошло 18 мая 2000 года) сообщала, что «в одном из спортивных зданий города Кстово, где занимаются самбисты, проходят совершенно не афишируемые заседания специалистов из Москвы, в том числе из команды Грефа. Ни журналисты, ни политики, ни кто-либо посторонний, кроме окружения Кириенко, туда не допускаются. Никаких интервью, никакой утечки информации оттуда не происходит... Сергей Кириенко разработчикам своей программы дал всего один-два месяца». Впоследствии стало известно, что в здании Всемирной академии самбо проходил семинар Приволжского филиала Центра стратегических разработок Германа Грефа.

Это, однако, не имело большого значения для режиссеров политического спектакля 1999 года. Символический шаг передачи «программы СПС» Путину не только прибавил популярности СПС, но и существенно усилил позиции Кириенко внутри избирательного блока. Однако главный месседж этого акта расшифровывался так: Кремль и либералы играют в одну игру, это близкие союзники, идеологически родственные силы.

Сейчас политологи склонны говорить о системе договоренностей, существовавших между СПС и Кремлем, в рамках которой и была осуществлена «передача программы». *«Либералы становились полупроходными»,* – говорит политолог Алексей Макаркин, в тот период – сотрудник газеты «Сегодня», описывая ситуацию лета – осени 1999 года. – *Но чтобы стать проходными, нужно было попасть на телевидение, на первый и второй каналы, которые оставались в руках Кремля. Кроме этого, СПС нужна была поддержка премьер-министра Путина, который осенью 1999-го был самым рейтинговым политиком. И Путин поддержал экономическую программу СПС».*

Такая трактовка подразумевает, что осенью 1999 года правые были самостоятельным центром силы, который вел свою собственную игру и мог «договариваться» или «не договариваться» с Кремлем по каким-то ключевым вопросам. С точки зрения людей, принимавших непосредственное участие в создании СПС, это было отнюдь не так. Правые входили в тот же политический мейнстрим, что и созданное Кремлем «Единство» – некоторые даже рассматривали их как часть одного кремлевского проекта. Правда, преобладала точка зрения, согласно которой СПС был своего рода «страховочным» проектом на тот случай, если «Медведь» не выполнит возложенных на него задач.

«В обществе всегда есть запрос. Запросом 1999 года оказался Путин, арядом с ним оказался Кириенко, – говорит Борис Надеждин, который в 1999 году был членом политсовета движения «Новая сила». – Если вы доверяли Путину, то, значит, вы должны были голосовать или за СПС, или за «Единство». И «Отечество», и КПрФ, и ЛДПР абсолютно точно воевали на этих выборах с «Единством». Поэтому «Единство» и получило 30 процентов. А те, кто надеялся на Путина, но у кого бюрократия вызывала изжогу, проголосовали за СПС. И в дальнейшем мы всегда обнаруживали, что избиратель СПС голосует за Путина. В отличие от избирателя «Яблока», при всем ощущении, что это близкие люди».

Одним из основных отличий правых от главного кремлевского проекта – «Единства» – было широкое подключение к политической игре неаппаратных сил. К услугам правых была вся влиятельная российская либеральная среда, формировавшаяся по меньшей мере с конца 80-х годов. Именно поэтому правые могли позволить себе не иметь разработанной экономической программы – ее с успехом заменяла сама либеральная среда, поведение которой определялось ожиданием «перемен к лучшему». Повестка дня, в сущности, заменяла собой программу (впоследствии правые приняли непосредственное участие в подготовке программы Германа Грефа). В этом смысле вручение Путину «толстой кожаной папки» было «сакральным» актом, который расшифровывался так: либералы признали Путина своим, а он, в свою очередь, дал понять, что не встанет в оппозицию к либеральной среде.

«Новые либералы» ставили перед собой задачу создать партию, которая была бы одновременно либеральной идеологически и комплиментарной действующей власти. Этим они довольно существенно отличались от догматичных «старых демократов». Они представляли собой иной социальный тип, отличный от традиционных либералов. Это были бизнесмены и менеджеры, которые, как правило, ранее не принимали активного участия в демократическом движении и в политике в целом (по возрасту или в силу занятий бизнесом). Иногда в выступлениях их лидеров проскальзывало недвусмысленное желание отмежеваться от дискредитировавших либеральную идею представителей «старой демократии», которую в народе все чаще уничижительно именовали «демшизой». Однако в этом случае они рисковали потерять либеральную идентичность, а это автоматически превращало их из самостоятельных игроков в субъектов кремлевской политики.

Заветной мечтой новых либералов – во всяком случае в этот период времени – было возглавить властный проект. Понимая, что кандидатуру нового президента в любом случае назовет Ельцин (и влияющая на него Семья), либералы не без оснований рассчитывали, что новый президент по меньшей мере не будет находиться в оппозиции к либеральной среде. Поэтому предполагалось, что СПС станет не резервным, а «интеллектуальным» вариантом партии власти, а его лидеры получат реальную возможность влиять на внутреннюю политику России. Эта нацеленность формировала новый имидж либеральной партии – вместо рыхлого объединения демократов и правозащитников (образцом которого отчасти может служить ДВР) создавалась партия нового типа, которая в отличие от предыдущих либеральных проектов рассматривалась как либерально-государственническая, либерально-патриотическая и, возможно, даже силовая. Во всяком случае, именно так видел свою «Новую силу» Кириенко и его союзники в Кремле (говорят, что одному из таких союзников, спичрайтеру президента Джохан Поллыевой, принадлежит высказывание «Либерал – это сильный человек»).

Путин как секретное оружие СПС

Ххлючевым в предвыборной кампании СПС стал лозунг «Путина – в президенты, Кириенко – в Думу!». Можно смело утверждать, что этот слоган сыграл роль победного штандарта, под которым правые торжествующе вступили в парламент.

Анатолий Чубайс после выборов признавался: «Правые решили задачу с результатом, на который сами не рассчитывали». Мало у кого тогда возникали сомнения, что этот результат мог бы быть достигнут без связки СПС – Путин. Однако либералы отнюдь не были едины в вопросе о том, как следует относиться к молодому премьеру – более того, вопрос о поддержке власти стал своего рода лакмусовой бумажкой для электората, настроения которого существенно изменились по сравнению с 1995 годом. Наблюдатели отмечали, что основные потери «Яблока» и приобретения СПС пришлось не на период полемики по чеченской проблеме, а на последние две недели перед голосованием, когда СПС начал активно поддерживать Путина, а «Яблоко» продолжало обходить этот сюжет стороной. Когда Явлинский наконец затронул эту тему, подтвердив свое безусловное участие в президентских выборах (это означало прежде всего, что «Яблоко» разрабатывает альтернативный политический проект, в котором Путину-президенту места нет), социологические опросы впервые зафиксировали преимущество СПС над «Яблоком», которое продолжало расти вплоть до самих выборов.

Впоследствии «Яблоко» не раз критиковало СПС за их поддержку Путина, обвиняя правых в конформизме и готовности «поступиться принципами» ради сиюминутных политических выгод. Левые либералы укоряли правых за то, что они «защищают» Путина, оправдывают его антидемократические шаги и, в частности, прикрываются именем Анатолия Собчака – «учителя» президента. Вот что писал «яблочный» публицист Борис Вишневский: *«Каждый раз, когда второго российского президента надо представить не бывшим офицером КГБ, а приверженцем демократии и свободы, образованным юристом и цивилизованным государственным деятелем, используется образ „ученик Собчака“. Это традиционный аргумент не только для Запада, но и для российской интеллигенции, немалая часть которой продолжает считать Собчака своим кумиром.*

*Президент говорит, что уничтожение НТВ – это спор хозяйствующих субъектов, а Ходорковский сидит за решеткой не потому, что возражал власти, а за недоплаченные налоги. Но он же ученик выдающегося юриста Собчака. Значит, все описанное происходит по закону».*⁸

Выбор фигуры Собчака в качестве объекта критики, конечно же, не случаен. Для правых бывший питерский мэр был своего рода связующим звеном между либерально настроенной интеллигенцией и бывшим полковником КГБ, поддержка которого, безусловно, должна была восприниматься этой интеллигенцией как своего рода нравственный вызов.

Сам Собчак, незадолго до выборов 1999 года вернувшийся из парижской эмиграции, отмечал «единство своей идеологической платформы с принципами СПС», хотя и исключал возможность своего вхождения во фракцию СПС в парламенте. По словам Собчака, «без фракции СПС новая Государственная Дума будет неполноценной и вновь обреченной на бездействие».⁹

Идеологическая близость Собчака к СПС во многом определила то позитивное отношение, которое правые перенесли с бывшего председателя Ленсовета на его бывшего советника. Важную роль сыграли и факт назначения Собчака доверенным лицом кандидата в президенты Путина, и его неожиданная смерть в преддверии президентских выборов, и присутствие и. о.

⁸ Вишневский Б. Мэр для президента. «Московские новости», 29 октября 2004 года.

⁹

президента на похоронах своего учителя и наставника. Однако только эмоциями дело не ограничивалось. В своей политической практике Путин последовательно воплощал в жизнь многие предложения Собчака. Так, например, реформа административно-территориального деления России, предпринятая Путиным сразу же после избрания его президентом страны (в мае 2000 года), целиком отвечает мыслям Собчака, изложенным в его книге «Жила-была коммунистическая партия» (1995 год).

Анатолий Собчак. «Жила-была коммунистическая партия»:

«Если мы хотим иметь в будущем более целесообразное административно-территориальное деление России, чем сегодняшнее, которое мы получили в наследство от коммунистической системы и которое во многом носит искусственный характер, то начинать эту работу лучше всего с укрупнения федеральных структур. Вполне целесообразно иметь одного представителя Президента на весь Северо-Запад, или Уральский, или Волго-Вятский экономический район. У представителя Президента, курирующего целый крупный регион страны, будет совершенно иной кругозор и масштаб деятельности, чем сейчас. Он не станет тратить силы на борьбу с региональным начальством, как сплошь и рядом происходит при нынешнем положении дел, у него будет возможность сравнивать, как идут дела в разных субъектах Федерации, и он может стать не просто присматривающим, надзирающим „государевым оком“, не просто контролирующим органом, а проводником новых идей, передового опыта, то есть вносить существенный вклад в развитие федерализма и в укрепление региональных структур власти. Немаловажно и то, что при этом произойдет укрепление вертикальной структуры исполнительной власти, а Президент и его администрация могли бы получать более достоверную информацию о происходящем в регионах. Точно так же можно поступить и с любой из тридцати трех федеральных структур, созданных сегодня в каждом из регионов. Именно с этого, по моему мнению, и нужно начинать процесс укрупнения субъектов Федерации и укрепления государственного единства России с реформирования и укрупнения федеральных структур власти в регионах страны».

Правые сделали верную ставку. Популярность Путина принесла им голоса той части электората, которая действительно «ждала перемен», персонифицировала эти ожидания в лице молодого премьера и не сочувствовала критикующим власть левым либералам. Но еще важнее было то, что Путин оказался идеальным кандидатом СПС. По мнению литературоведа и публициста Сергея Переслегина, Путин – *«пример яркого и последовательного правого политика. То есть политика, который последовательно, умно и осмысленно проводит в жизнь правые идеи. Путин фактически выполнял задачу правых на усиление российской государственности, российской экономики и на открытие этой экономике рынков за рубежом. Но выполнял эти задачи не на их условиях. И делал это честно все восемь лет своего правления»*.

С Переслегиным согласен политолог Станислав Белковский, который, однако, считает, что верхушка СПС сознательно подчеркивала идеологические расхождения между Путиным и правыми, *«поскольку им это позволяло удерживать альтернативный центр консолидации либералов»*.

«Невозможно было бы, – говорит Белковский, – чтобы все реальные единомышленники СПС понимали, что Путин – это кандидат СПС, что для Путина идеальной позицией была бы позиция лидера СПС, что Путин абсолютный единомышленник Кудрина и Грефа (не случайно эти люди принимали существенное участие в определении путинской политики восемь лет)».

Действительно, при всей схожести программных установок СПС и той политики, которую проводил Путин в период своего первого президентского срока, правые не могли позиционировать себя как президентскую партию, а Путина – как «кандидата СПС». Прежде всего потому, что это место уже было занято кремлевским политтехнологическим проектом «Единство».

Время молодых

Выборы 1999 года показали, что в общественном сознании господствует запрос на молодых и энергичных политиков.

Помимо поддержки молодого и энергичного Путина, СПС сумел выдвинуть на передний край таких лидеров, как Кириенко и Немцов – и это тут же принесло свои плоды. Одной из основных политических технологий правых стала ставка на молодежь и отождествление себя с будущим. Политолог Алексей Зудин, в рассматриваемый период – эксперт Московского центра Карнеги, указывает также на фактор «моральной регенерации» либерального избирателя, решающую роль в которой сыграла агитационная кампания «Ты прав!».

Кампания «Ты прав!» имела своей главной целью «исправление смыслов». Ставшие двусмысленными понятия «демократы» и «либералы» было предложено заменить куда более респектабельным термином «правые». Именно молодежная среда, по замыслу политтехнологов СПС, должна была стать главной опорой правых. Тесное отождествление себя с молодежью, а через нее – с будущим позволило правым позиционироваться в общественном мнении как «партии нового поколения».¹⁰ Лозунг «Молодые, энергичные, грамотные – во власть!» также был нацелен на привлечение широких масс молодежи.

В январе 1999 года Кириенко говорил о необходимости разработки нового политического языка: «Прошедшие годы привели к тому, что дискредитирован политический язык, мы по-разному понимаем одни и те же слова... Сегодня слово „реформа“ носит негативный смысл. Слова „либеральный“ или „демократический“ тоже».

На выборах 1999 года СПС в целом лидировал по категории «избиратели наиболее активных возрастов», по удельному весу самой молодой категории избирателей (до 25 лет) более чем в два раза опережая «Яблоко» и в два с половиной раза – ОВР и «Единство».¹¹

Повысило популярность правых среди молодежи и активное использование Интернета. В ходе парламентских выборов 1999 года либералы впервые в России использовали Интернет в качестве инструмента политических технологий. СПС продвигал в СМИ своих лидеров как самых «сетевых» политиков и успешно манипулировал темой Интернета как среды обитания наиболее «продвинутой» части электората. В результате в общественном мнении Немцов и Кириенко стали «главными интернетчиками» среди политиков. В частности, Кириенко еще зимой 1999 года предложил своим сторонникам создать «интернет-парламент», предметом обсуждения которого должны были стать «общенациональная стратегия России в следующем тысячелетии», экономическая программа движения «Новая сила», конституционная реформа и «разработка нового политического языка».

Одним из главных интеллектуальных центров, поддерживавших экспансию правых в интернет-пространство, был Фонд эффективной политики – одна из первых в России структур, профессионально занявшихся разработкой, созданием и поддержанием интернет-проектов. Так, первый персональный сайт политика (www.nemtsov.ru) был разработан именно ФЭПом. Ряд сетевых газет, запущенных этой структурой, оказывали информационную и идеологическую поддержку российским либералам.

Опора на молодежь, привлечение интернет-технологий – это лишь наиболее заметные, но не самые принципиальные отличия от других партий и движений. Гораздо более важным

¹⁰ Зудин А. Союз Правых Сил // Россия накануне думских выборов 1999 года. Московский центр Карнеги. М.: Гендальф, 1999.

¹¹ СПС уступал ЛДПР и «Яблоку» лишь в категории «молодых взрослых» – от 25 до 39 лет.

было использование системы профессиональных и экспертных сетей, ставшее настоящим ноу-хау правых.

Во многих случаях ядра этих сетей возникали на базе местных университетов и экспертных центров. Одной из самых известных сетей стала нижегородская, связанная с именем профессора Петра Щедровицкого, и московская, связанная с Вячеславом Глазычевым и Маратом Гельманом. Сети эти имели точки соприкосновения как на уровне личных контактов, так и на уровне идеологии: Глазычев долгое время сотрудничал с отцом Петра Щедровицкого, известным философом Георгием Щедровицким, основателем «школы методологов». Что же касается самого Щедровицкого-младшего, то его, как и полит – технолога Ефима Островского, привлек к политическому консультированию «Новой силы» Марат Гельман. Впоследствии на выборах 1999 года Щедровицкий-младший занимался также «комплексным проектированием и организационным сопровождением кампании СПС». Не касаясь сейчас идеологии методологов, заслуживающей отдельной статьи, отметим, что и в Москве, и в Нижнем Новгороде в их ассоциациях принимали участие не только (и даже не столько) политтехнологи, сколько философы и архитекторы. Главной задачей этих объединений было конструирование новых социальных, организационных, культурных и эстетических моделей. При этом «развитая исследовательская концепция», на которую опирались методологи, «конечно, к проектированию не имела ни малейшего отношения, а вырастала из педагогики».¹²

¹² Глазычев В. Лекция об эволюции проектирования. Крым, Новый Свет, июль 2001 года.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.